

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-1>
УДК 340

Attribution
cc by

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

Бабаев М.М.¹, Пудовочкин Ю.Е.²

Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Babaev@mail.ru¹;

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Pudovochkin@mail.ru².

Аннотация. Цель публикации заключается в системном анализе трансформации уголовно-правовой науки. В ходе исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, социологический) методы познания, а также метод контент-анализа. В процессе подготовки публикации использовались достижения отечественной теории уголовного права, философии, философии права, теории права. Рабочей гипотезой исследования выступает мысль о том, что между научной революцией и трансформацией науки нет принципиально значимых различий. Авторами отмечается, что вопрос о существовании и смене парадигм отечественного уголовного права фактически не исследован. Исследователями установлена тенденция, согласно которой, начиная с 2009 года, влияние политики на уголовно-правовую науку не только не исчезло, но и окрепло. Исходя из общей логики понимания социальных трансформаций, авторами выделено два основных этапа развития отечественного уголовного права начиная с 80-х годов XX века, что позволило выделить характерные черты для каждого из предложенных этапов. Сделан прогноз относительно развития отечественного уголовного права в ближайшей перспективе. В ходе исследования авторами проанализированы труды: О.Н. Библика, А.И. Бойко, Б.В. Волженкина, Я.И. Гилинского, Л.В. Головки, О.С. Гузеевой, Д.В. Гурина, Г.А. Есакова, А.Э. Жалинского, Н.Г. Иванова, А.Г. Кибальника, Т.В. Кленовой, И.А. Клепицкого, В.В. Кулыгина, Н.А. Лопашенко, И.М. Рагимова, Е.Н. Рахмановой, а также иных авторов

Ключевые слова: уголовное право, теория, наука, научное знание, исследование, трансформация, социальная трансформация, методология исследования.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TRANSFORMATIONS OF CRIMINAL LAW SCIENCE

Mikhail M. Babaev¹, Yuri E. Pudovochkin²

All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation¹
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin²

Abstract. The purpose of the publication is to systematically analyze the transformation of criminal law science. The study used general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and special scientific (historical, sociological) methods of cognition, as well as the method of content analysis. In the process of preparing the publication, the achievements of the domestic theory of criminal law, philosophy, philosophy of law, theory of law were used. The working hypothesis of the study is the idea that there are no fundamentally significant differences between the scientific revolution and the transformation of science. The authors note that the issue of the existence and change of paradigms of domestic criminal law has not been studied in fact. Researchers have established a tendency according to which, since 2009, the influence of politics on science has not only not disappeared, but also strengthened. Based on the general logic of understanding social transformations, the authors identified two main stages in the development of domestic criminal law since the 80s of the twentieth century, which made it possible to identify the characteristic features of each of the proposed stages. A forecast was made regarding the development of domestic criminal law in the near future. In the course of the study, the authors analyzed the works of: O.N. Bibik, A.I. Boyko, B.V. Volzhenkin, Ya.I. Gilinsky, L.V. Golovko, O.S. Guzeeva, D.V. Gurin, G.A. Esakov, A.E. Zhalinsky, N.G. Ivanov, A.G. Kibalnik, T.V. Klenova, I.A. Klepitsky, V.V. Kulygin, N.A. Lopashenko, I.M. Ragimov, E.N. Rakhmanova, and other authors.

Key words: criminal law, theory, science, scientific knowledge, research, transformation, social transformation, research methodology.

Funding: Independent work.

Вместо введения. О взаимосвязи социальных трансформаций и науки: теоретические пояснения.

С теми или иными разночтениями, уголовно-правовая наука традиционно понимается как «система знаний (взглядов, идей, представлений) об уголовном праве как явлении социальной жизни в его возникновении, развитии и выполняемой им роли в качестве регулятора общественных отношений» [1, с. 166]. Это определение в целом не вызывает возражений, хотя понятие «знание» и не полностью совпадает с понятием «научное знание», о чем убедительно писал А.Э. Жалинский [2, с. 460 – 463].

Вместе с тем, представляется, что оно отражает только один аспект анализируемого феномена – «знаниевый», тот, что связан с результатами функционирования науки. Сам процесс «функционирования» при этом остается за пределами дефиниции, а следовательно, и науковедческого анализа. Акцентированное внимание на него обратил А.Э. Жалинский, когда писал о научной деятельности как институциональном процессе, в рамках которого происходит получение научного продукта коммуницирующими научными институтами и научными кадрами¹.

С учетом этого, наука в самом общем и недетализированном виде может быть описана и исследована как с институциональной точки зрения (в качестве совокупности людей, институтов, их деятельности в различных формах, организации, коммуникации и пр.) и с точки зрения «знаниевой» (как система научной информации об уголовном праве). Такое различие представляется крайне важным в свете обсуждения проблем трансформации уголовно-правовой науки, поскольку причины, механизмы и последствия изменений в каждом из этих направлений ее понимания будут существенно различаться.

Даже взятая в самом общем виде связь социальных трансформаций и трансформации уголовно-правовой науки свидетельствует о том, что:

- развитие науки как таковой может стимулировать социальные трансформации (в качестве примера достаточно упомянуть NBIC-технологии и их влияние на социальные процессы);

- развитие науки в целом может способствовать трансформации уголовно-правового знания (этот процесс можно наблюдать, в частности, на примере развития учений об ограниченной вменяемости, обсуждении вопроса о конструкции ответственности за преступления, совершаемые посредством использования искусственного интеллекта и пр.);

- социальные трансформации могут оказывать влияние на институциональный дизайн науки вообще и уголовно-правовой науки в частности (иллюстрацией здесь могут служить, например, создание тех или иных институтов, стимулирование или, напротив, ограничение международных научных контактов и т.п.);

- изменения институциональной основы уголовно-правовой науки оказывают существенное влияние на научное знание (здесь и вопросы качества научных исследований, и формирование приоритетной тематики и пр.);

- социальные трансформации, которые приводят к изменению в системе права, также корректируют уголовно-правовое знание за счет изменения предмета уголовно-правового изучения;

- наконец, социальные трансформации могут оказывать прямое непосредственное влияние на систему уголовно-правового знания.

Не в наших возможностях в рамках настоящей публикации осветить весь спектр представленных связей и зависимостей. Каждая из них вполне достойна самостоятельного анализа. Мы же, следуя логике анализа влияния социальных трансформаций на науку уголовного права, обратим внимание лишь на один аспект темы, а именно – непосредственное влияние социальных трансформаций на систему научного знания и связанный с этим процесс трансформации самой уголовно-правовой науки.

Одним из значимых аспектов самопознания науки, образующим вполне самостоятельный предмет исследования, выступает проблема трансформаций уголовно-правовой науки.

Обсуждение.

Общеизвестно, что предмет уголовно-правовой науки закономерным образом связан с феноменом права, а потому его трансформации по определению не могут не затронуть корреспондирующую область социального знания. В

уголовно-правового знания на научное и не отвечающее критериям научного, в последующем изложении мы позволим себе до некоторой степени ею пренебречь, ассоциируя знание исключительно с научной информацией об уголовном праве.

¹ См.: Жалинский А.Э. Уголовно-правовая наука // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. 4. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Науковедческие проблемы правоведения. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – С. 407. Признавая безусловную ценность дифференциации

связи с этим, полагаем не просто оправданным, но и крайне необходимым поставить вопросы о том, как социальные и правовые трансформации отражаются на уголовно-правовой науке, возникают ли в связи трансформации самой науки, и если да, то в чем они состоят, каков механизм их формирования и проявления?

Насколько мы можем судить, вопрос о трансформациях уголовно-правовой науки в нашей литературе специально не исследовался. Сознвая, что анализ трансформаций уголовно-правовой науки и их связи с процессами изменения общественного устройства требует проведения масштабного (и не одного) исследования, мы обратим внимание в рамках настоящей публикации, во многом постановочной, лишь на отдельные, как представляется, наиболее значимые аспекты поднятой темы.

Трансформация системы уголовно-правового знания – феномен, по логике, вполне реальный и объективный, но, в силу ряда причин, крайне сложно поддающийся дефинированию (если поддается в принципе).

Во-первых, до настоящего времени остаются не вполне ясными содержание и границы предмета науки уголовного права, в первую очередь, в части взаимодействия уголовного права с уголовной политикой и уголовной социологией [3, с. 120 – 144].

Во-вторых, практически не обсуждается вопрос: Является ли наука уголовного права «чистой наукой» или наукой «прикладной», каково содержание и соотношение фундаментального (теоретического) и прикладного знания в ней?²

В-третьих, не является очевидным или определенным само понятие «система уголовно-правовых знаний»: входят ли в нее и если входят, то какие принципы, понятия, категории, законы, теории, существуют и если да, то какие, уголовно-правовые школы (течения в науке)?

В силу этого, открытыми остаются вопросы: По каким изменениям и в какой именно части феномена уголовно-правовой науки можно судить о трансформациях в науке. Будет ли трансформацией изменение в научном обосновании правил квалификации того или иного

отдельного преступления или вида преступлений? Считать ли трансформацией обоснование нового взгляда на краеугольные отраслевые понятия преступления и наказания? Связана ли трансформация с разработкой новых уголовно-правовых теорий или формированием новых уголовно-правовых школ? На эти вопросы у нас нет ответа.

Вместе с тем, отсутствие ответа не предполагает необходимости прекращения научного поиска. Один из возможных вариантов представления о трансформации науки может быть сформирован, если отталкиваться от понятия научной революции, обоснованного в известной работе Т. Куна. Научные революции рассматриваются им как «такие некумулятивные эпизоды развития науки, во время которых старая парадигма замещается целиком или частично новой парадигмой, несовместимой со старой». Под парадигмами автор подразумевал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений», а в качестве эквивалента понятия «замещение» использовал понятия «сдвиг», «преобразование», «трансформация». Замещение парадигм, согласно Т. Куну, есть процесс необратимый и невозвратный, «традиция нормальной науки, которая возникает после научной революции, не только несовместима, но часто фактически и несоизмерима с традицией, существовавшей до нее» [4, с. 17, 143, 151].

В качестве рабочей гипотезы можно высказать мысль о том, что между научной революцией в трактовке Т. Куна и трансформацией науки нет принципиально значимых различий. А поэтому есть основания для отождествления научной революции и этапа трансформации, кардинального, всестороннего, масштабного изменения фундаментального взгляда на предмет науки и на решение тех проблем, которые его составляют.

Вопрос о существовании и смене парадигм в уголовном праве фактически не исследован. В доступной нам литературе встретилось лишь две публикации, в которых использован сам термин «парадигма уголовного права». Так,

² Рассуждения на эту тему см., например: Чубинский М.П. Наука уголовного права и ее составные элементы // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – № 7. – С. 97 – 166. Автор писал, в частности: «Обращаясь ... к уголовному праву, мы прежде всего, должны заметить, что чистой наукой, как бы мы ни обрисовывали пределы его компетенции, оно признано быть не может, ибо оно

призвано служить практическим потребностям человечества в области правосудия; оно может быть, следовательно, или искусством или прикладной наукой» (с. 123 – 124). О том, что наука уголовного права является подчеркнута прикладной пишут и современные специалисты, см., например: Актуальные проблемы уголовного права. Кур лекций / под ред. Л.В. Лобановой. В 3 т. Т. 1. – Волгоград: ВГУ, 2012. – С. 7, 9.

И.Я. Гонтарь признает, что некоторые содержащиеся в теории уголовного права утверждения приобрели качество парадигм, которые «в течение длительного времени задают тон всем уголовно-правовым исследованиям». К числу таких парадигм он относит утверждения о том, что преступление общественно опасно и что наказывается именно преступление, а не преступник. Автор приходит к выводу о том, что эти парадигмы не отражают социальной реальности и нуждаются в переосмыслении, с учетом того, что в действительности наказанию подлежит преступник, свойством которого выступает общественная опасность [5, с. 140 – 149].

В работе АА. Арутюнова парадигма уголовного права представляется как «суждения о природе и задачах уголовного права и предложения об уголовно-правовых мерах борьбы с преступностью через разработку уголовного законодательства и формирование практики правоприменения». При этом автор выделяет следующие виды парадигмы:

- 1) парадигма уголовно-правового давления;
- 2) символическая парадигма;
- 3) парадигма бюрократического присвоения уголовного права (бизнес-парадигма);
- 4) парадигма рационального использования уголовного закона как социального инструмента [6, с. 32 – 43].

При всей значимости этих попыток ввести в уголовно-правовой дискурс понятие «парадигма», несложно заметить, что авторские рассуждения едва ли могут претендовать на полноценное и всестороннее понимание этой проблемы (Это не упрек авторам, формат работы которых – научная статья – едва ли позволяет раскрыть тему полностью). Теоретическое понимание уголовно-правовой парадигмы нуждается в дополнительном и специальном исследовании.

Как минимум, три вопроса возникают в связи с анализом представленных позиций.

Во-первых, можно ли считать уголовно-правовой парадигмой те или иные нормативные решения или же парадигма есть исключительно теоретический феномен, подчеркнута научный взгляд на решение тех или иных отраслевых проблем?

Во-вторых, можно ли рассуждать о парадигмах в уголовном праве, игнорируя наличие парадигмальных установок в праве вообще, иными словами, могут ли существовать сугубо уголовно-правовые парадигмы или же научные

установки исследования уголовно-правовых проблем определяются общетеоретическим взглядом на право, правовыми парадигмами?

И, наконец, в-третьих, существуют ли в рамках уголовно-правовой науки несколько парадигм или же наука развивается в пределах одной парадигмы, которая со временем может меняться, иными словами, в чем отличие парадигмы от уголовно-правовой теории?

Не претендуя на всесторонний анализ, выскажем общее представление о том, что парадигма по природе своей есть нечто большее, чем теоретический подход к решению тех или иных отраслевых задач. В рамках одной парадигмы таких подходов может существовать великое множество. В равной мере смена парадигмы не может быть представлена в качестве простой теоретической реакции науки на изменения в содержании права. Парадигмы и их смена есть нечто большее.

В литературе по теории права высказано несколько позиций по поводу понимания парадигм применительно к области юридического знания. Согласно одной, весьма распространенной точке зрения, аналогом куновской парадигмы в юриспруденции выступает тип правопонимания как наиболее общее и концентрированное представление о сущности и назначении права, которое определяет предмет и метод соответствующей концепции права [7, с. 258 – 259; 8 с. 68 – 84; 9, с. 18 – 22]. «Тип правопонимания как парадигма познания права, - пишет В.В. Лапаева, - представляет собой теоретико-методологический подход к формированию образа права и к пониманию сущности права, который осуществляется с позиций того или иного теоретического видения проблемы в рамках определенной методологии анализа. Тот или иной тип правопонимания не только предоставляет в руки исследователя метод, но и в известном смысле очерчивает возможный круг вопросов и способов их постановки» [10, с. 28].

В соответствии со второй позицией, правовая парадигма представляет собой совокупность идеальных фрагментов правовой действительности (принципы познавательной деятельности, теоретические конструкции, ценностные установки, концептуальные воззрения и т.п.), используемых членами научного сообщества без сомнений и разногласий, составляющих основу его деятельности по приращению научных знаний, создающих определенное видение правовой реальности и в конечном счете детерминирующих эволюционную фазу формирования

юридической системы, являющихся отражением «духа времени» [11, с. 6].

Наконец, третий подход предлагает различать виды правовых парадигм в зависимости от предметной области правовых исследований. Согласно ему, выделяются парадигма правового мышления, парадигма правопонимания, парадигма правовой догматики, парадигма правовой культуры, а также парадигма права. Последняя представляет собой органическое единство осознанных и неявных представлений (взглядов, убеждений) о праве, обществе, государстве и их взаимосвязи, основанных на данных представлениях ценностно-целевых установок, а также профессионального опыта (навыков, приемов и стандартов). Парадигма права разделяется всеми членами юридического сообщества или его подгруппой и объективируется в правовой науке и доктрине, законодательстве и практике правоприменения. При этом по сфере действия выделяются общая парадигма права, относящаяся к праву (правовой реальности) в целом, и специальные (локальные) парадигмы, относящиеся к правовым отраслям и институтам [12, с. 14].

На наш взгляд, каких-либо принципиальных противоречий между этими подходами не существует. В самом общем виде, пожалуй, не будет большой ошибкой признать, что:

1) парадигма в праве есть определенный взгляд на понятие, содержание, функции и цели права в качестве социального регулятора;

2) отраслевая уголовно-правовая парадигма существует как, наполненная предметным содержанием, вариация парадигмы права как такового;

3) уголовно-правовая парадигма отражает взгляд на уголовное право в целом как на инструмент регулирования, но никак не на отдельные компоненты права, его нормы, институты, практику и пр.;

4) допустимо существование множества уголовно-правовых парадигм, одна из которых в тот или иной момент времени может считаться господствующей.

Оценивая с этих (возможно, не до конца проработанных, а потому не исключено, и неточных) позиций развитие уголовно-правовой науки, нельзя пройти мимо высказанного современными исследователями мнения о том, что в науке уголовного права на протяжении всего ее существования не фиксируются «научные революции (в понимании Т. Куна)», отсутствуют «открытия, повлекшие кардинальную смену

уголовно-правовых теорий», что «научное развитие в данной области практически всегда проходило эволюционным путем» [13, с. 150].

Согласиться с ним и можно, и нельзя одновременно.

Во-первых, эволюционное развитие науки вовсе не исключает наличие в ней научных революций в куновском понимании этого слова. Логика научной революции предполагает, что новая парадигма всегда «зреет» в рамках господствующей и затем, не сразу, но постепенно вытесняет свою предшественницу.

Во-вторых, едва ли верно и то, что наука уголовного права не сделала ни одного «открытия». А.Ю. Кошелева не без оснований пишет, что к открытиям уголовного права следует отнести:

- «преступление как особо вредное нарушение значимых в индивидуальном и общественном смысле ценностей;

- виновность как критическое отношение лица, совершающего посягательство, к факту посягательства и причиняемому вреду;

- вред, наступающий в каком-либо виде у личности и (или) значимой ценности;

- эмпирическую причинную связь между действием (бездействием) посягающего лица и наступившим вредом;

- закономерность большей опасности групповых посягательств по сравнению с индивидуальными посягательствами и т.п.» [14, с. 164].

Другое дело, привели ли открытия в уголовно-правовой науке к научной революции и можно ли, исходя из факта наличия и содержания этих открытий говорить о революциях в уголовно-правовой науке.

Заметим, что открытия, о которых говорит А.Ю. Кошелева случились достаточно давно. Именно они в свое время сформировали современный образ уголовного права и задали теоретическую рамку для исследования уголовно-правовых проблем. Эти открытия совпали по времени с формированием ведущих типов правопонимания, прежде всего, позитивизмом. Во многом они могут рассматриваться как позитивистское осмысление уголовно-правовой действительности. И потому на определенном этапе истории такие открытия, действительно, формировали новую уголовно-правовую парадигму.

Однако каких-либо заметных новых прорывных открытий наука уголовного права не де-

монстрирует уже почти два века. А сложившиеся к сегодняшнему дню альтернативы и вариации юридического нормативизма как типа понимания права весьма слабо отражаются в содержании уголовно-правового знания. Это обстоятельство, видимо, дало основание А.В. Наумову утверждать, что «корни современного уголовного права лежат в идеях, выдвинутых в XVIII – XIX веках... Никакого нового уголовного права не будет, а будет органическое развитие старого с его приспособлением к новым... реалиям» [15, с. 138]. Об этом же пишет В.В. Хилота, утверждая, что «в каком-то смысле сегодняшнее уголовное право является паразитарной наукой: оно питается в основном фундаментальными открытиями и идеями, подаренными ей прошлым веком (несмотря на происходящую смену эпох и экспансию нового информационного общества, уголовное законодательство в своей основе остается прежним). Современные исследования в уголовно-правовой области во многом застыли на фундаментальных позициях, сформулированных в первой половине XIX в., и исследователи лишь в какой-то мере комментируют и уточняют основные концепции своих предшественников» [16, с. 95 – 96]. Об этом, по сути, сказал и П.С. Яни в процессе проведенного нами экспертного опроса: «Законодательство, да, менялось, но менялось политиками... Но что именно ученые могли изменить в подходах к анализу уголовного права? Изменения в науке уловить не могу».

Сказанное в целом позволяет согласиться с приведенным выше мнением о том, что научных революций в уголовном праве за последние 200 лет не происходило.

Однако такой вывод требует существенного уточнения, которое способно его же (вывод) опровергнуть. Этот вывод справедлив, если строго следовать куновскому пониманию научной революции как замещению одной парадигмы другой, а саму парадигму воспринимать как глобальный взгляд на уголовное право.

Вместе с тем, важно отметить два обстоятельства.

Во-первых, как признают специалисты, в последнее время понятие парадигмы по своему содержанию стало меняться по сравнению с ее трактовкой Т. Куном. К парадигмальным, пишет Г.Е. Зборовский, - начали относить теории, концепции, направления, течения, движения научной мысли, которые не носят революционного характера, а составляют прибавку знания,

значительную, но не оказывающую радикального воздействия на развитие науки. Отсюда – наука (Г.Е. Зборовский пишет о социологии, но сказанное, на наш взгляд, применимо и к иным отраслям социального знания, уголовному праву в том числе) приобретает все более свойства полипарадигмальности; в ней формируется и сосуществует множество парадигм. Важный критерий, позволяющий при этом наделить теорию или концепцию статусом парадигмы, состоит в определении периода влияния того или иного фундаментального знания, той или иной концепции и теории на науку в целом. Если он невелик, если о концепции достаточно быстро забывают и по прошествии какого-то времени ее не используют в теоретических и эмпирических исследованиях, вряд ли можно считать эту концепцию парадигмальной [17, с. 448 – 449].

С этим связано и второе обстоятельство. В куновском понимании научной революции процесс смены парадигм является необратимым: если новая научная парадигма сформировалась, она блокирует возврат научных исследований в прежние формы. Однако в современной науке, в том числе, как пишут исследователи, в «новоевропейской юриспруденции» этого не наблюдается. «Мы видим несовместимость эпистемологических принципов, используемых разными концепциями права (например, фундаментализм естественно-правового учения и релятивизм марксизма и позитивизма), но не наблюдаем эволюции («стрелы познания») [18, с. 17].

Отмеченные корректировки концепции научной революции крайне важны для понимания сути трансформаций уголовно-правовой науки.

С учетом полипарадигмальности современного научного знания, можно констатировать, что в уголовно-правовой науке не просто наличествует, а сосуществует, параллельно развивается, конкурирует между собой множество весомых теорий, объясняющих уголовное право, его сущность, содержание и социальное предназначение. Уголовное право как средство регулирования и уголовное право как средство охраны, уголовное право как средство защиты коллективных интересов и уголовное право как средство ограничения произвола государственной власти; уголовное право как средство защиты морали и уголовное право как средство защиты интересов власти; уголовное наказание как возмездие и уголовное наказание как средство социального приспособления – вот только

некоторые дихотомически построенные парадигмы современной уголовно-правовой науки. Они сформированы достаточно давно и устойчиво на протяжении многих десятилетий определяют уголовно-правовой дискурс.

С учетом того, что парадигмальные концепты сосуществуют, но находятся в социальном пространстве в неравновесном положении, можно утверждать, что трансформации уголовно-правовой науки определяются не столько самим фактом появления той или иной весомой концепции, сколько процессом и результатом диалектической борьбы между конкурирующими концепциями.

Уголовно-правовая наука закономерно имеет своим предметом уголовное право, которое столь же закономерно находится в полном распоряжении власти. В связи с этим, изменения в содержании уголовно-правовых властных решений объективно приводят к изменению содержания научного знания, а изменения в отношении власти к уголовному праву – к изменению «весовой категории» той или иной научной концепции. «Благодаря» властным решениям, та или иная концепция приобретает дополнительные аргументы, которые усиливают ее позиции в научных спорах, укрепляют научный авторитет и положение. Соответственно, в зависимости от смены отношения государства к уголовному праву и способу обращения с ним, происходит вытеснение одной научной парадигмы другой. Этот процесс вытеснения (но не замещения) и есть, собственно, то, что в современных условиях можно именовать трансформацией уголовно-правовой науки.

Вытеснение одной парадигмы и укрепление другой отражает «имманентную связь парадигмы с социальной реальностью, политикой, экономикой и культурой конкретного общества, а также наличие в структуре парадигмы, помимо эксплицитных (осознанных), также скрытых (бессознательных) элементов» [12, с. 13]. Применительно к уголовно-правовой науке, в силу самой ее специфики, как науки, обслуживающей отрасль уголовного права, то есть обслуживающей официальный, властный механизм использования репрессии в целях противодействия преступлениям, поддержания порядка и обеспечения безопасности, эта связь с «уголовно-правовой реальностью» приобретает особое значение.

Современные изменения в науке как трансформация: формы и последствия.

Представленные выше рассуждения о содержательных изменениях в уголовно-правовой науке и авторский взгляд на понятие «трансформации научного уголовно-правового знания» требуют обсуждения в контексте поиска ответа на вопрос о том, могут ли текущие изменения оцениваться как трансформация с теоретической точки зрения, и если да, то в чем эта трансформация состоит.

Некоторые специалисты утверждают: «Единая научная парадигма уголовного права в настоящее время отсутствует, а научная основа данной науки представляет собой совокупность множества частных парадигм, определяющих воззрения ученых на тот или иной круг вопросов» [13, с. 150]. Другие отмечают, что «в настоящее время уголовное право характеризуется сменой парадигм и теоретических концепций. Уже нет того классического уголовного права, которое существовало в XX в. Сегодня уголовное право обусловлено плюрализмом взглядов, разнообразием концепций и теоретических построений новых институтов, отрицанием базовых постулатов, которые ранее казались незыблемыми (понятия преступления и уголовной ответственности)» [16, с. 89].

Отсутствие единой парадигмы и смена научных парадигм – взаимосвязанные, но различные феномены. Отсутствие единой парадигмы при условии равноценности и равнозначности всех существующих – это одно состояние науки, а смена ведущей парадигмы при анализе тех или иных уголовно-правовых явлений – иное. Именно последнее и воспринимается нами как содержание процесса трансформации науки.

Т. Кун писал, что «само существование науки зависит от того, кто облечен правом делать выбор между парадигмами среди членов особого вида сообщества» [4, с. 216]. При этом он настаивал на «запрете обращения к главам государств или к широким массам народа по вопросам науки», признавая, что выбор парадигмы есть прерогатива «единственно компетентной профессиональной группы», то есть самого научного сообщества.

В правовой и особенно в уголовно-правовой науке полагаться в смене парадигм лишь на авторитет той или иной профессиональной группы ученых едва ли приходится. Право, как официальный инструмент, требует столь же официальной науки (как бы ужасно не звучало это словосочетание). В институциональном отношении ее вполне можно определить как «клан,

получивший привилегию по-своему интерпретировать парадигмальные тексты и навязывать эту интерпретацию остальным», как обслуживающих политическую элиту это юристов, которые «могут осуществляемые в интересах правящего клана интерпретации парадигмальных текстов юридически закреплять или способствовать фиксации их в системе права [9, с. 18 – 22]. Формирование такого «клана», распространение в качестве официально признанных его взглядов на уголовное право, добровольная или вынужденная поддержка этих взглядов иными представителями научного сообщества – все это суть трансформации уголовно-правовой науки.

Та или иная уголовно-правовая парадигма, таким образом, становится «ведущей» не только (точнее, даже не столько) по причине ее профессионального авторитета, сколько по ее способности удовлетворить интересы власти. Понятие «интересы власти» в данном случае не имеет каких-либо скрытых или двусмысленных коннотаций. Это то, что выражено в уголовном законе и необходимость практической реализации нормативных формул. Если та или иная парадигма в лучшей степени интерпретирует эти интересы и способствует их реализации, именно эта парадигма и становится ведущей.

Такое положение вещей во многом обусловлено распространенным представлением о социальном предназначении уголовно-правовой науки. «Основная цель науки уголовного права, - пишет Д.А. Безбородов, - изучение развития уголовного права (его институтов и отдельных уголовно-правовых норм) и его воздействия на общество и государство с целью получения социально полезных результатов – эффективно действующего уголовного законодательства и его правильного применения в соответствии с основными правовыми принципами» [19, с. 8]. Уголовный закон и практика его применения (с добавлениями в виде истории уголовного законодательства и уголовного права зарубежных стран) признаются ядром предмета уголовно-правовой науки едва ли не в любом учебнике. Этот подход коррелирует с общим убеждением в том, что действительное предназначение правовой науки – отвечать потребностям юридической практики. «Для того, чтобы знание смогло выполнять свою онтологическую функцию, необходимо наличие в объективном знании содержания, которое соответствует реальной действительности» [20, с. 347 – 348].

Зададимся простым вопросом: Какие из нижеперечисленных парадигмальных подходов

к научному анализу уголовно-правовых проблем наиболее адекватны современным реалиям:

- уголовное право выполняет функцию исключительно охраны правоотношений или уголовное право призвано, к тому же, выполнять функции позитивного регулирования общественных отношений и воспитания граждан;

- уголовное право развивается по пути универсализации и гармонизации правовых систем или уголовное право развивается как замкнутая национальная система;

- уголовное право приоритетным образом охраняет универсальные общечеловеческие ценности или уголовное право сосредоточено на охране локальных традиционных ценностей;

- уголовное право обеспечивает свободу человека или уголовное право призвано обеспечить интересы национальной безопасности государства;

- уголовное право преследует наиболее опасные для личности, общества и государства деяния или уголовное право реагирует на любые факты отклонения от социальных норм, включая опасное состояние личности.

Вряд ли можно оспаривать тот факт, что в представленной дихотомии суждений именно вторая часть высказываний (как бы ее ни оценивать по существу) в большей степени отвечает реальности текущего момента. Вряд ли можно спорить и с тем, что соответствующий парадигмальный взгляд сегодня пришел на смену своей противоположности. Пришел на смену – не значит стал общепризнанным, но стал официальным.

В этом противостоянии официальности и общепризнанности кроется один из значимых парадоксов трансформации уголовно-правовой науки. По факту, трансформация науки как смена парадигм осуществляется не изнутри, а извне, под влиянием внешних по отношению к самой науке, социально-политических факторов.

Здесь мы подходим к одному из важнейших аспектов темы уголовно-правовой науки вообще, а именно ее связи и зависимости от уголовной политики. Как отмечал А.Э. Жалинский, «функционирование и развитие науки должно быть избавлено от деформирующего влияния различных внешних факторов. Исторический опыт ориентации на ведомственные интересы, псевдоидеологические постулаты, отсутствие свободной конкуренции в жестко структуриро-

ванной системе (издательские приоритеты, система разрешений и проч.) принесли колоссальный вред не только науке, но и стране в целом» [2, с. 412].

Но это «должно быть избавлено» не означает, что «избавлено». Несмотря на все социально-политические преобразования, а возможно и благодаря преобразованиям, начавшимся в 2009 году, влияние политики на науку не только не исчезло, но и окрепло.

С.А. Бочкарев пишет, что «подтверждение доминирования политической константы над научно-исследовательским процессом можно найти там, где за корректировкой политического курса, как правило, следовало изменение в приоритетах науки уголовного права» [21, с. 75]. Только одну иллюстрацию такого доминантного влияния позволим себе привести: Каким должно быть сегодня отношение к зарубежному уголовно-правовому опыту и к сравнительно-правовым исследованиям? Каковой должна быть оценка их результатов? Ответ на вопрос «каким» имеет парадигмальное значение и предполагает выработку позиции относительно того, стоит ли в принципе изучать зарубежный опыт и если да, то под каким углом зрения.

В качестве основы для последующего изложения воспользуемся результатами нескольких «пилотных» исследований.

Первое из них – экспертный опрос наших коллег, докторов и кандидатов юридических наук по «уголовно-правовой специальности», которым была предложена небольшая анкета с открытыми вопросами. По итогам было получено 11 заполненных анкет, содержащих авторитетные суждения относительно самооценки представителями научного сообщества состоявшихся и наблюдаемых трансформаций уголовно-правовой науки.

Второе – анализ библиографических сведений о защищенных кандидатских и докторских диссертациях, которые размещены на официальном сайте ВАК Минобрнауки РФ, и в электронном каталоге Российской государственной библиотеки им. В.И. Ленина.

Третье – традиционный анализ нормативных и литературных источников, предметно соотносённых с рассматриваемой тематикой.

Подчеркнем: эти исследования носят сугубо поисковый, пробный характер и их результаты не могут восприниматься как обеспечивающие стопроцентную достоверность данных. Но они, на наш взгляд, позволяют составить

вполне убедительную общую предварительную картину проблемы трансформаций уголовно-правовой науки, уточнить некоторые исходные положения исследования, определить последующие направления научного поиска.

Изменения в содержании уголовно-правовой науки: результаты эмпирического анализа.

В отечественной библиографии не так много работ, непосредственно посвященных тенденциям развития российской уголовно-правовой науки. В одной из них эти тенденции определяются как вполне перспективные и содержательные изменения. Н.А. Егорова, в частности, пишет, что обзор современной литературы по уголовному праву позволяет выделить следующие основные (по крайней мере, ярко выраженные) тенденции данной отраслевой юридической науки:

а) Наука уголовного права пытается, образно выражаясь, «познать саму себя», определить свое место в системе иных духовных феноменов, выявить свои внешние зависимости. Наметилась тенденция к исследованию философских, социальных, моральных, психологических, религиозных оснований уголовного права.

б) Российская уголовно-правовая теория не оставляет без внимания и более узкие, хотя и не менее актуальные, проблемы, которые продиктованы реалиями современного мира (в целом) и современной преступности (в частности).

в) Современная наука уголовного права стремится к взаимодействию с другими отраслями знаний.

г) Сегодня наука уголовного права, наверное, как никогда, борется за свое право не просто высказываться, но и быть услышанной нашей властью [22, с. 9 – 14].

В другой работе констатируется, что уголовно-правовая наука как отрасль правоведения «переживает кризис и нуждается в обновлении, в поиске безотлагательной реализации новых подходов, соответствующих меняющимся обстоятельствам борьбы с преступностью в глобализирующемся мире» [23, с. 433]. При некоторой полярности суждений их объединяет одно: уголовно-правовая наука не есть застывшая система, она меняется и, более того, должна продолжать меняться.

Изменение научных подходов к исследованию и оценке тех или иных уголовно-правовых проблем является закономерным процессом, отражающим движение научного знания.

Но в контексте взаимосвязи с процессом социальных трансформаций такое изменение может происходить различным и порой весьма специфическим образом.

Отвечая на вопросы нашего анкетирования, профессор Н.А. Лопашенко указала на то, что все изменения науки, в том числе в периоды социальных потрясений, происходили позже самих трансформаций, с заметным опозданием, что имел место так называемый «отложенный эффект» трансформаций науки: наука постепенно привыкала, осмысливала и лишь потом начинала реагировать на социальные изменения.

Это суждение - вполне логичное, если говорить о трансформациях как о процессе саморазвития науки, закономерных и объективных процессах, связанных с совершенствованием методологических основ научного знания, постепенным и последовательным осмыслением меняющейся социальной действительности и отражением результатов этого осмысления в научных текстах. Но развитие современной науки как области деятельности, тесным и непосредственным образом связанной с социальной действительностью, причем связанной гораздо прочнее и активнее, нежели в предшествующие столетия, не всегда позволяет констатировать наличие этого «отложенного эффекта».

Мы сознаем, что оценивать вектор развития научного знания крайне сложно, прежде всего, в виду неопределенности показателей его динамики. Однако в качестве одного из возможных показателей (при этом далеко не единственным и, вероятно, не самым надежным) может служить тематика и направление защищаемых в стране докторских диссертаций, учитывая, что согласно нормативным документам, в них должны быть разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решение научной проблемы, имеющей важное политическое, социально-экономическое, культурное значение, либо научное обоснование новых решений, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны [24].

Анализ библиографических записей, содержащихся в электронном каталоге РГБ им. В.И. Ленина, а также официальных объявлений о защите докторских диссертаций, размещенных на интернет-сайте ВАК Минобрнауки РФ,

позволяет составить некоторое, самое общее представление о динамике научных интересов.

Следуя общей логике понимания социальных трансформаций, мы выделили два основных этапа наблюдения: с 1989 по 2010 гг. и с 2011 г. по настоящее время (ноябрь 2022 года). При этом дополнительно «разбили» первый период на два (до и после 2000 года) для уточнения характера динамики³.

Первое, что можно наблюдать, исходя из представленных данных, это последовательное и существенное (почти на 10%) сокращение удельного веса докторских диссертаций, посвященных проблемам криминологического предупреждения преступлений (и в части общей теории криминологии, и в части криминологического предупреждения отдельных видов преступности). Соответственно – возрастание удельного веса научных квалификационных исследований, посвященных вопросам уголовного права.

Второе – это наличие некоторых характерных сдвигов в распределении общего объема исследований по тематике.

Следует заметить, что есть некоторые уголовно-правовые проблемы, внимание к которым не меняется ни в связи с происходящими в стране процессами социальных преобразования, ни в силу внутренних процессов развития самой науки. Так, например, проблематике источников уголовного права, понятия и признаков преступления, уголовной ответственности и ее дифференциации, экономических, служебных преступлений посвящен в процентном отношении примерно одинаковый объем докторских диссертаций на каждом из наблюдаемых периодов.

В тоже самое время, объем исследований, посвященных теории состава преступления и общей теории квалификации, преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, а также воинским преступлениям, в течение всего наблюдаемого периода возрос более чем в два раза. При том, что вдвое сократился объем исследований, посвященных проблемам соучастия, множественности и неоконченного преступления, проблемам уголовно-правовой борьбы с преступлениями против личности, в пять раз – преступлениям против собственности и почти втрое – проблемам международного и зарубежного уголовного права.

³ Смещение в хронологии на один год (с 2009 на 2010 год) вызвано тем обстоятельством, что данные сайта ВАК содер-

жат информацию о защитах диссертаций, начиная с 2011 года. Однако полагаем, что такое смещение принципиально не меняет наблюдаемой картины.

Еще раз повторим: эти данные заведомо неполны и неточны, хотя бы по той причине, что не включают в себя сведения о кандидатских диссертациях, монографических исследованиях и публикациях в периодической юридической печати. Но учитывая уровень и значение докторских диссертаций в структуре научного знания, их вполне можно воспринимать в качестве надежного ориентира для понимания движения научной мысли.

Приведенная информация позволяет, некоторым образом, скорректировать отмеченное выше суждение профессора Н.А. Лопашенко. По крайней мере, в период с 2009 года, который признается нами периодом очередной социальной трансформации в стране, отечественная уголовно-правовая наука вполне «живо» отреагировала на смену (или корректировку) приоритетов государственной политики, как минимум, в одном аспекте – сокращении внимания к проблемам преступлений против личности и росте интереса к проблемам защиты общественной безопасности, порядка и здоровья населения. В этом факте, самом по себе, нет ничего предосудительного или неестественного. Даже если не брать в расчет при его оценке уровень научной разработанности тех или иных проблем, а следовательно, и объективные потребности самой науки в их дополнительном изучении, надо признать, что смещение вектора в тематике научных исследований в ответ на протекающие в стране социальные трансформации вполне закономерно, поскольку таковые (особенно исследования научно-квалификационные) должны быть (!) выполнены на наиболее актуальные, злободневные темы. Важно подчеркнуть другое: для подобного рода научных трансформаций не потребовалось сколько-нибудь существенного временного лага. Они происходили и происходят одновременно и на фоне общего процесса масштабных социальных преобразований.

В разряд этих же «оперативно откликающихся» изменений науки следует отнести, на наш взгляд, и существенный рост внимания к подчеркнuto теоретическим проблемам уголовного права – учению о составе преступления и уголовной политике (последнее особенно заметно при сравнении текущего периода с этапом 2000 – 2020 годов). В этом, как полагаем, проявляется, с одной стороны, некоторая «усталость» науки от необходимости подстраиваться к динамичным трансформационным трендам, определенная тенденция к «самосохранению» и «самообслуживанию», предполагающая обращение к

внутренним проблемам теории уголовного права; а с другой стороны, - потребность в переосмыслении «вечных» уголовно-правовых проблем в контексте текущего момента развития права.

Отмеченный «разворот» в тематике научных исследований отражает, хотя и важный, но все же, по большей части, «внешний» аспект трансформации научного знания. Он свидетельствует лишь о том, что под влиянием разворачивающихся в обществе процессов закономерным образом меняются приоритетные направления исследований.

Для понимания содержательного аспекта трансформации науки важно обратить внимание на то, как, с каких позиций, в каком направлении рассматриваются те или иные проблемы, каковы методологические принципы научного анализа. Оценить возможные и неизбежные здесь сдвиги едва ли возможно на основе математических расчетов. Здесь ценнее и информативнее экспертные суждения.

Проведенный опрос показал, что социальные трансформации и в конце 80-х годов прошлого столетия, и в текущий момент порождают ряд содержательных, методологически значимых изменений, которые далеко не всегда оцениваются в качестве позитивных.

Пожалуй, самую жесткую формулировку для их обозначения предложил профессор И.А. Клепицкий. Применительно ко второй половине 1980-х – началу 1990-х годов он назвал в ряду важнейших изменений науки методологический кризис, а в связи с трансформациями 2010-х годов - «методологическую смерть».

Не вторгаясь в содержательную дискуссию по поводу этой оценки, признаем, что возникновение кризиса в методологии уголовно-правовой науки в ответ на коренные изменения социальной ситуации нельзя признать неожиданным или несимметричным явлением. Он вполне закономерен. Более того, как и любой кризис он создает уникальные возможности для преодоления и последующего развития науки на качественно новом уровне. В этом смысле, кризис – и есть собственно трансформационный слом, коренное преобразование. Преодоление же методологического кризиса и трансформация на новой основе научного знания требует времени. И в этом отношении безусловно верны ранее приведенные суждения профессора Н.А. Лопашенко о том, что трансформация науки демонстрирует «отложенный эффект».

Проблема же видится в том, что время преодоления кризиса, возникшего на рубеже 1980-1990-х годов, было прервано новым витком социальных трансформаций, начавшихся в 2009 году. В итоге, кризис, вновь порожденный наложился на кризис непреодоленный ранее, возник эффект трансформации трансформирующейся науки. При этом поскольку содержание кризисов и перспективы их преодоления различны, то совмещенные во времени они породили крайне сложную методологическую ситуацию неопределенности и дезориентированности.

Есть еще одно, подспудное, трудное для описания и верификации, но устойчивое ощущение, что трансформации науки на рубеже советской и постсоветской эпох и трансформации текущие оцениваются самой наукой весьма различно.

О трансформациях науки периода конца 1980-х – начала 1990-х годов прошлого века опрошенные специалисты замечают:

- формируется относительно независимая уголовно-правовая мысль, происходит освоение мирового наследия; уголовно-правовая наука, как и наука вообще, приобретает социальную значимость (Я.И. Гилинский),

- наука отказывается от единственно возможной идеологической «привязки» исследований, складываются «разнонаправленные» научные центры и школы (А.Г. Кибальник),

- наука, пригодная для либеральной идеологии и рыночной экономики, появляется в зародыше, но уровень ее развития остается низким, он не отвечает реальным потребностям общества (И.А. Клепицкий),

- начинается обсуждение полузакрытых или закрытых ранее тем – например, уголовной политики; происходит увеличение научных контактов, рост публикаций, более смелых, открытых, чем это было ранее, появляются большие возможности для них (Н.А. Лопашенко),

- в исследованиях стало больше «политики», внимание концентрируется на недостатках законодательства (Т.В. Кленова),

- активизируются позитивистские исследования в уголовно-правовой науке, формируются различные частные правовые теории (Ю.А. Тимошенко).

Иной настрой ощущается в оценках трансформаций, связанных с 2009 годом. Специалисты отмечают:

- все более инерционное и более эволюционное развитие науки (Н.А. Лопашенко);

- отсутствие качественных социологических, криминологических исследований; научный сектор уже не чувствует себя «услугой», но и не является «социальным благом», скорее – жертвой бюрократов (Т.В. Кленова);

- рост интереса к проблемам законодательной техники (Ю.А. Тимошенко);

- рост количества (не всегда – качества) междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований; рост внутренних изоляционистских тенденций, особенно после 2014 г., с 2022 г. – серьезная внешняя изоляция (А.Г. Кибальник);

- при отсутствии свободных дискуссий и выражения собственного мнения ученых, «наука» (как все гуманитарные, социальные науки в стране) превращается в свод мало обоснованных норм; уголовно правовая наука теряет статус «науки», превращаясь в служанку власти (Я.И. Гилинский);

- торжество невежества и «здорового смысла», «попытки выработать приемлемую научную методологию уже непонятны для деформирующегося научного сообщества. Считается, что она не нужна. Здоровые ростки в науке хиреют. Цветник зарастает бурьяном» (И.А. Клепицкий).

Оценивая эти высказывания с точки зрения влияния социальных трансформаций на трансформацию методологических основ уголовно-правовой науки, можно утверждать:

а) Методология науки может, должна и фактически реагирует на социальные преобразования. Как правильно писал Б.В. Волженкин, «юридические науки, в том числе уголовное право, относятся к числу общественных наук, состояние которых в значительной степени зависит от происходящих в обществе процессов» [25, с. 183 – 184]. Автор дополнил это утверждение оговоркой «тем более что в условиях тоталитаризма и идеологической диктатуры общественные науки нередко выполняют своего рода «социальный заказ». Безоговорочно соглашаясь с начальной частью цитаты, отметим все же, что «социальный заказ» наука уголовного права выполняет не только в условиях тоталитаризма и идеологической диктатуры. Она выполняет его в любых социально-политических и политико-идеологических условиях. Другое дело, что в зависимости от самих этих условий содержание «заказа» может существенно меняться.

б) Трансформации методологических основ уголовно-правовой науки и на их основе трансформации содержания научного знания

безусловно требуют некоторого периода хотя бы относительной социальной стабильности. Новый дискурс для того, чтобы стать результативным, должен быть устойчиво сформированным, а научная парадигма должна пройти проверку временем. В российской же действительности этот «период стабильности» был непозволительно короток. Плюрализация методологических основ уголовно-правовой науки в конце прошлого столетия дала эффективные, но спорадические результаты: экономический анализ уголовного права (А.Э. Жалинский [26, с. 58 – 67], О.Н. Бибик [27]), культурологический анализ (В.В. Кулыгин [28], О.Н. Бибик [29]), непредвзятый компаративный анализ (Г.А. Есаков, [30] Л.В. Головкин [31]), философско-правовой анализ (И.М. Рагимов [32], Д.В. Гурин [33]), инструментальный анализ уголовного права (А.Э. Жалинский [34]), рискологический анализ (М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин [35]), конституционный анализ уголовного права (О.С. Гузеева [36]), религиоведческий анализ (А.И. Бойко [37], Н.Г. Иванов [38]), гуманитарный анализ (Е.Н. Рахманова [39]). Вместе с тем, эти направления научного поиска остаются, по большому счету, лишь обозначенными, но не развитыми надлежащим образом; дискурс по поводу данных проблем нельзя считать устойчивым или вообще сформированным, результаты таких исследований не проникли вглубь уголовно-правовой науки и фактически не используются при исследовании так называемых частных отраслевых проблем.

в) Методологическая трансформация российской уголовно-правовой науки, если понимать под ней изменение исходных начал, принципов, аксиологических установок познания права, в реальности лишь началась в конце 80-х годов прошлого столетия в связи с известными процессами демократизации и общества в целом, и науки в частности. Но, во-первых, как отмечает С.А. Бочкарев, «гарантированная свобода не привела к ожидаемому плюрализму суждений. Свобода не воспроизвела многообразие и разнообразие представлений и мнений о понятии, предмете, задачах и структуре науки, к их обогащению за счет соперничества и оспаривания состоятельности друг друга» [40, с. 86]. А во-вторых, начавшееся обновление методологического аппарата уголовно-правовой науки сегодня существенно «застопорилось» общим состоянием неопределенности и растерянности, которое вызвано откровенным изменением основных уголовно-политических трендов.

В связи с изложенным возникает закономерный и большой вопрос относительно перспектив трансформации уголовно-правовой науки в условиях современной социальной трансформации. Они, как представляется, зависят от того, станет ли трансформация научного знания процессом, всецело управляемым акторами социальной трансформации, или же будет развиваться по внутренним законам развития самой науки. Потенциально здесь возможно несколько сценариев.

Первый предполагает активное участие государства в обсуждении методологических и иных содержательных вопросов уголовного права (и права вообще). Опыт такого участия хорошо известен в истории. Вспомним хотя бы организованное А.Я. Вышинским Первое Всесоюзное совещание научных работников права (16 – 19 июля 1938 г.), цели и задачи совещания состояли в том, чтобы в духе потребностей репрессивной практики тоталитаризма утвердить единую общеобязательную «единственно верную» марксистско-ленинскую, сталинско-большевистскую линию («генеральную линию») в юридической науке на основе нового общего определения права [41, с. 1510 – 1517] либо постановления ЦК КПСС от 4.06.1964 г. «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» [42] и последующие за ним научно-организационные и организационно-методические подвиги в науке [43, с. 188 – 192; 44, с. 12 – 19; 45, с. 9 – 17; 46, с. 7 – 15]. В случае если трансформации науки будут определяться «руководящей и направляющей» силой, не придется сомневаться ни в том, что они реально состоятся, ни в их содержании.

Второй сценарий не предполагает жесткого администрирования научных трансформаций и основан на способности науки к саморегулированию и саморазвитию. Здесь уж все будет зависеть, если допустимо так выразиться, от силы духа науки, а равно от тех условий, в которых ей придется функционировать, от того, сможет ли наука развиваться одновременно и в мейнстриме изменений официального права, и «в оппозиции» к официальным властным установкам.

С сожалением приходится констатировать, что ситуация, по меньшей мере, в текущий момент складывается не вполне благополучная. Весьма точно, на наш взгляд, ее охарактеризовал В.В. Хилюта. «В настоящее время, - пишет

он, - в области уголовно-правовых исследований (и не только, а в большей части в правове­дении в целом) можно обнаружить две тенден­ции: проявляющаяся дискредитация теоретиче­ских исследований и их «ненужность» практи­кам, и бурная экспансия прагматических и прак­тических рекомендаций по квалификации кон­кретных противоправных деяний. Все это вы­звало преобладание в правовой литературе фе­номенологических описаний и предание забве­нию фундаментальных исследований». Наука сегодня, по его мнению, несмотря на отдельные успехи, «скатилась к добросовестному глосса­торству, к комментированию сформулирован­ных под идеологическим нажимом теоретиче­ских постулатов, решений высших правоприме­нительных органов». Однако, продолжает автор, «правоприменительный позитивизм неспособен формировать фундаментальную науку, ибо те­кущая практика слишком слаба и пока не может служить достойным мерилom формулирования собственно уголовно-правовых теорий и научно выверенных рекомендаций», а потому «активизация научных изысканий в концептуальных по­нятиях уголовного права, переосмысление тео­рии уголовного права – процесс неизбежный и закономерный, вытекающий из изменений по­литического, экономического и социального ха­рактера» [47, с. 26 – 27].

Способность науки достойно ответить на методологический вызов, связанный с соци­альными трансформациями, нельзя ни преуве­личивать, ни преуменьшать. Однако реализация ее потенциала к содержательному развитию и трансформациям, как полагаем, будет опреде­ляться не только содержанием и силой внутрен­них резервов научного сообщества, но также ор­ганизационными условиями его функциониро­вания и общей идеологической ситуацией в стране.

Заключение.

Подводя итоги анализа сложной и неод­нозначной темы трансформаций уголовно-пра­вовой науки, представляется возможным резю­мировать некоторые основные положения:

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность ав­тора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по за­просу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Издат. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2006.
2. Жалинский А.Э. Уголовно-правовая мысль и наука уголовного права // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. 4. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. – М.: Юрлитинформ, 2017.
4. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова; общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. – М.: Прогресс, 1975.
5. Гонтарь И.Я. Парадигмы в уголовном праве и реальность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 6 (245).
6. Арутюнов А.А. К вопросу о парадигмах уголовного права // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития: науч. тр. Т. 1 (2). – М.: Саратовский источник, 2014.
7. Нерсесянц В.С. Право и правовой закон: становление и развитие / под ред. В.В. Лапаевой. – М.: Норма, 2009.
8. Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. – 2009. – № 12.
9. Рычагова О.Е. Правовая парадигма и парадигмальные тексты // Современное право. – 2016. – № 8.
10. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М.: Российская академия правосудия, 2012.
11. Шаханов В.В. Правовые парадигмы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2005.
12. Войниканис Е.А. Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015.
13. Цай К.А. «Стандартная» модель научного знания в уголовном праве России (на примере административной преюдиции, корпоративной уголовной ответственности и коллизионного уголовного права) // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. – 2016. – Т. 26, Вып. 3.
14. Кошелева А.Ю. Открытия и конструкции в науке уголовного права // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 1(18).
15. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. – 2006. – № 4.
16. Хилюта В.В. Перспективы развития методологии уголовного права в эпоху постмодерна // Журнал Российского права. – 2017. – № 5.
17. Зборовский Г.Е. История социологии: учебник. – М.: Гардарики, 2004.
18. Беляев М.А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – Воронеж, 2009.
19. Безбородов Д.А. Организация и проведение уголовно-правовых исследований: учебное пособие для факультета подготовки научно-педагогических кадров в magistraturе. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016.
20. Карташова А.А. Трансформация и деформация научного знания в связи с расширением научных подходов и методов // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Т. 4, № 5.
21. Бочкарев С.А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2020.
22. Егорова Н.А. Современные проблемы развития науки уголовного права // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Векленко. – Омск: Омская академия МВД России, 2012. – Вып. 7.
23. Жалинский А.Э. О переменах в науке уголовного права // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. 4. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
24. Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 40 (часть III). – Ст. 5074.
25. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Издат. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2006.
26. Жалинский А.Э. Об экономическом подходе к уголовному правотворчеству // Государство и право. – 2007. – № 10.
27. Библик О.Н. Рынок преступлений и наказаний. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2017.
28. Кульгин В.В. Этнокультура уголовного права. – М.: Юрист, 2002.
29. Библик О.Н. Введение в культурологию уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2012.
30. Есаков Г.А. Mens Rea в уголовном праве Соединенных Штатов Америки. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
31. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
32. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2013.
33. Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание: содержание и ограничения. – М.: Юрлитинформ, 2022.

34. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – М.: Проспект, 2009.
35. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Очерки криминальной рискологии. – М.: Юрлитинформ, 2021.
36. Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права. – М.: Проспект, 2021.
37. Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права – М.: Юрлитинформ, 2010.
38. Иванов Н.Г. Беседы о преступлении и наказании в пределах уголовного права и не только, умножающие скорбь. – М.: Юрлитинформ, 2018.
39. Рахманова Е.Н. Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации: криминологический и уголовно-правовой анализ. – М.: Университетская книга, 2008.
40. Бочкарев С.А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2020.
41. Хочоян А.Г. Совецание научных работников права 1938 г. и его значение для развития советской юридической науки // Право и политика. – 2008. – № 6.
42. Правовая мысль прошлого // Вопросы правоведения. – 2009. – № 1, № 2.
43. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» - программа деятельности юридических вузов страны // Правоведение. – 1965. – № 1.
44. Карпец И.И. Некоторые проблемы науки советского уголовного права в свете постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» // Советское государство и право. – 1965. – № 1.
45. Об основных направлениях работы института государства и права // Вестник Академии наук СССР. – 1965. – № 1.
46. Задачи дальнейшего развития советской юридической науки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1978. – № 6.
47. Хиллута В.В. Какой быть методологии уголовного права // Lex Russica. – 2016. – № 12 (121).

References:

1. Criminal Law of Russia. General Part. Textbook / edited by N. M. Kropachev, B. V. Volzhenkin, V. V. Orekhov. - SPb.: Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2006.
2. Zhalinsky A. E. Criminal-legal thought and the science of criminal law // Zhalinsky A. E. Selected works. In 4 volumes. Volume 4. Legal thinking and professional activity of a lawyer. Science studies problems of jurisprudence. - M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016.
3. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Russian criminal policy and criminal law: an experience of critical analysis. – M.: Yurlitinform, 2017.
4. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions / trans. from English by I.Z. Naletov; general. ed. and afterwords by S.R. Mikulinsky and L.A. Markova. – M.: Progress, 1975.
5. Gontar I.Ya. Paradigms in Criminal Law and Reality // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. – 2002. – No. 6 (245).
6. Arutyunov A.A. On the Issue of Criminal Law Paradigms // Actual Problems of Criminal and Criminal Procedure Law: Current State and Development Prospects: scientific. tr. V. 1 (2). – M.: Saratov Source, 2014.
7. Nersesyants V.S. Law and Legal Act: Formation and Development / edited by V.V. Lapaeva. – M.: Norma, 2009.
8. Varlamova N.V. Russian Theory of Law in Search of a Paradigm // Journal of Russian Law. – 2009. – No. 12.
9. Rychagova O.E. Legal Paradigm and Paradigmatic Texts // Modern Law. – 2016. – No. 8.
10. Lapaeva V.V. Types of Legal Understanding: Legal Theory and Practice. – M.: Russian Academy of Justice, 2012.
11. Shakhanov V.V. Legal Paradigms: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. – Vladimir, 2005.
12. Voynikanis E.A. Paradigmatic Approach to the Study of Intellectual Property Rights: diss. ... Doctor of Law. – M., 2015.
13. Tsai K.A. "Standard" model of scientific knowledge in the criminal law of Russia (on the example of administrative prejudice, corporate criminal liability and conflict of laws criminal law) // Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. - 2016. - Vol. 26, Issue. 3.
14. Kosheleva A.Yu. Discoveries and constructions in the science of criminal law // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. - 2011. - No. 1 (18).
15. Open letter of Professor A.V. Naumov to Academician V.N. Kudryavtsev // Criminal law. - 2006. - No. 4.
16. Khilyuta V.V. Prospects for the development of the methodology of criminal law in the postmodern era // Journal of Russian Law. - 2017. - No. 5.
17. Zborovskiy G.E. History of sociology: textbook. – M.: Gardariki, 2004.
18. Belyaev M.A. Scientific knowledge of law: genesis and epistemological specificity: author's abstract. diss. ... candidate of philosophical sciences. – Voronezh, 2009.
19. Bezborodov D.A. Organization and conduct of criminal-law research: a teaching aid for the faculty of training scientific and pedagogical personnel and master's degree programs. – SPb: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016.
20. Kartashova A.A. Transformation and deformation of scientific knowledge in connection with the expansion of scientific approaches and methods // Russian Humanitarian Journal. – 2015. – Vol. 4, No. 5.
21. Bochkarev S.A. Theoretical and methodological study of criminal law as a system of scientific knowledge: diss. ... doctor of law. sciences. – M., 2020.

22. Egorova N.A. *Modern problems of development of science of criminal law // Issues of legal theory and practice: collection of scientific works / ed. V.V. Veklenko. - Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. - Issue 7.*
23. Zhalinsky A.E. *On changes in science of criminal law // Zhalinsky A.E. Selected works. In 4 volumes. Vol. 4. Legal thinking and professional activity of a lawyer. Scientific studies problems of jurisprudence. - Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2016.*
24. *Resolution of the Government of the Russian Federation of September 24, 2013 No. 842 "On the procedure for awarding academic degrees" (together with the "Regulations on awarding academic degrees") // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2013. - No. 40 (part III). - Art. 5074.*
25. *Criminal law of Russia. General part. Textbook / edited by N.M. Kropachev, B.V. Volzhenkin, V.V. Orekhov. - SPb.: Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2006.*
26. Zhalinsky A.E. *On the economic approach to criminal lawmaking // State and Law. - 2007. - No. 10.*
27. Bibik O.N. *Crime and Punishment Market. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2017.*
28. Kulygin V.V. *Ethnoculture of Criminal Law. - Moscow: Jurist, 2002.*
29. Bibik O.N. *Introduction to the Cultural Studies of Criminal Law. - Moscow: Yurlitinform, 2012.*
- 2003; 30. Esakov G.A. *Mens Rea in the Criminal Law of the United States of America. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2003.*
31. Golovko L.V. *Alternatives to Criminal Prosecution in Modern Law. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2002.*
32. Ragimov I.M. *Philosophy of Crime and Punishment. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2013.*
33. Gurin D.V. *The Right of the State to Criminal Punishment: Content and Limitations. - M.: Yurlitinform, 2022.*
34. Zhalinsky A.E. *Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. - M.: Prospect, 2009.*
35. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Essays on criminal riskology. - M.: Yurlitinform, 2021.*
36. Guzeeva O.S. *Problems of the theory of constitutionalization of criminal law. - M.: Prospect, 2021.*
37. Boyko A.I. *Moral and religious foundations of criminal law - M.: Yurlitinform, 2010.*
38. Ivanov N.G. *Conversations about crime and punishment within the criminal law and beyond, multiplying sorrow. - M.: Yurlitinform, 2018.*
39. Rakhmanova E.N. *Protection of human rights from criminal threats in the context of globalization: criminological and criminal-law analysis. - M.: University book, 2008.*
40. Bochkarev S.A. *Theoretical and methodological study of criminal law as a system of scientific knowledge: diss. ... Doctor of Law. - M., 2020. - P. 86.*
41. Khochoyan A.G. *Conference of legal scholars of 1938 and its significance for the development of Soviet legal science // Law and Politics. - 2008. - No. 6.*
42. *Legal thought of the past // Issues of jurisprudence. - 2009. - № 1, № 2.*
43. *Resolution of the Central Committee of the CPSU "On measures for the further development of legal science and the improvement of legal education in the country" - a program of activities of law schools in the country // Jurisprudence. - 1965. - № 1.*
44. Karpets I.I. *Some problems of the science of Soviet criminal law in light of the Resolution of the Central Committee of the CPSU "On measures for the further development of legal science and the improvement of legal education in the country" // Soviet state and law. - 1965. - № 1.*
45. *On the main directions of work of the Institute of State and Law // Bulletin of the USSR Academy of Sciences. - 1965. - № 1.*
46. *Tasks for the further development of Soviet legal science // News of higher educational institutions. Jurisprudence. - 1978. - No. 6.*
47. Khilyuta V.V. *What should be the methodology of criminal law // Lex Russica. - 2016. - No. 12 (121).*

Информация об авторах:

Бабаев Михаил Матвеевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации; Babaev@mail.ru

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Pudovochkin@mail.ru

Mikhail M. Babaev, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.01.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.02.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.